

УДК 323.1

DOI: 10.17223/1998863X/49/17

М.В. Подрезов

ИДЕЙНЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО НА МЕСТО ПОЛЬШИ В РОССИИ И МИРЕ¹

Статья посвящена образу Польши, созданному Ф.М. Достоевским в художественных и публицистических работах, критике, письмах и дневниковых записках. На основе анализа текстов показана многослойность проецируемого образа на карту мира: Старая и Новая, аристократическая и народная, европейская и славянская, латинская и русская Польша.

Ключевые слова: Достоевский, Польша, разделы Речи Посполитой, польский вопрос.

Внешняя политика трех европейских держав – России, Пруссии и Австрии – в последней трети XVIII в. на многие десятилетия вперед породила так называемый «польский вопрос», последствия которого и в настоящее время находят отклик в дискурсе ученых, политиков, журналистов и т.д. Расцвет внимания к данной проблеме, безусловно, пришелся на XIX в., что объясняется в первую очередь включением территорий Речи Посполитой в состав Российской империи, ролью поляков в наполеоновских войнах, кровавых восстаниях 1830–1831 и 1863–1864 гг., а также общим напряженным фоном во взаимоотношениях между народами, отголоски которого отравляют диалог между странами и по сей день. С разных сторон и позиций к «польскому вопросу» так или иначе обращалась значительная часть интеллигенции XIX в.: от видного русского и польского политического деятеля А. Чарторыйского до выдающегося отечественного писателя Л.Н. Толстого, от западника А.И. Герцена до славянофилов А.А. Киреева и Ю.Ф. Самарина, от М.А. Бакунина до И.С. Аксакова и т.д. Не остался в стороне даже А.С. Пушкин, перу которого принадлежит блестящее произведение «Клеветникам России», призывающее оставить вечный спор славян между собой [1].

Предметом данной работы является позиционирование Польши на геополитической карте мира выдающегося отечественного писателя, публициста и философа Ф.М. Достоевского, интерпретация воззрений которого основывается на представлениях о картировании славянского мира, изложенных А.И. и Н.Г. Щербиниными, «...это своеобразная визуальная форма, имеющая видимость картинки или словесное описание в виде карты, содержащая в себе особую ментальную схему. Ментальная карта в данном случае репрезентирует креативный ментальный образ, который не относится к моделированию объективного мира» [2. С. 60]. Отметим, что тема поляков и Польши проходит сквозной линией через все творчество Достоевского, что, разумеется, нашло отражение в историографии вопроса. Однако фокус внимания исследователей направлен главным образом на отношение Достоевского к по-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект «Геополитическая карта и картина мира Ф.М. Достоевского», № 18-012-90020.

лякам как к нации. Среди наиболее существенных работ последних лет выделяются труды М. Швидерски [3], М. Ведемана [4], Я. Углика [5], А. де Лазари [6] и др.

Указанные исследователи уделяли внимание в первую очередь художественным произведениям Достоевского, в которых поляки показаны с явным пренебрежением. Впервые польская тема появляется в «Записках из мертвого дома», где автором показательно отмечается обособленность поляков даже в условиях каторги: «...в казармах наших была еще целая кучка поляков, составлявшая совершенно отдельную семью, почти не сообщавшуюся с прочими арестантами. Я сказал уже, что за свою исключительность, за свою ненависть к каторжным русским они были в свою очередь всеми ненавидимы. <...> Но поляки составляли особую цельную кучку. Их было шестеро, и они были вместе. Из всех каторжных нашей казармы они любили только одного жида, и может быть единственно потому, что он их забавлял» [7. Т. 4. С. 54–55]. На наш взгляд, это очень наглядный пример, который можно ретранслировать и на общую ситуацию в Российской империи, в рамках которой Польша была принуждена к «сожительству» с Россией, но в то же время не признавала себя ее частью. Показательными здесь являются и отношения поляков и евреев, учитывая этнический состав входившей в состав Российской империи Польши.

Риторика Ф.М. Достоевского становится еще более негативной после событий 1863–1864 гг., что прослеживается и в художественных произведениях. Так, в романе «Игрок», вышедшем в 1866 г., Достоевский констатирует европейское отношение к русским, сложившееся после польского восстания: «В Париже и на Рейне, даже в Швейцарии <...> так много полячишек и им сочувствующих французикув, что нет возможности вымолвить слова, если вы только русский» [Там же. Т. 5. С. 210], что еще раз подчеркивает реакционность многих суждений Достоевского. К более глубоким рассуждениям, относящимся в том числе и к «польскому вопросу», обращается писатель в романе «Бесы», опубликованном в 1871–1872 гг., выразив всю суть собственных представлений о национальной идентичности: «Если великий народ не верует, что в нем одна истина (именно в одном и именно исключительно), если не верует, что он один способен и призван всех воскресить и спасти своею истиною, то он тотчас же перестает быть великим народом и тотчас же обращается в этнографический материал, а не в великий народ» [8. Т. 7. С. 240].

Переходя к позиционированию Польши на карте мира Ф.М. Достоевского, первое, на чем хотелось бы акцентировать внимание, – это территориальные рамки, в которые заключена Польша в умозрениях писателя. Федор Михайлович сосредоточивается исключительно на тех польских землях, которые вошли в состав Российской империи в результате разделов Речи Посполитой, т.е. на так называемой «Русской Польше». Одним из немногих исключений является отсылка к обострению «польского вопроса» на территории Австро-Венгрии: «...в Австрии волнения, половина Австрии не хочет того, чего хочет ее правительство. В Венгрии манифестации. Венгрия так и рвется против русских за турок. Открыт какой-то даже заговор, англо-мадяро-польский» [9. Т. 2. С. 286]. Ни о каких прежних границах «...в пределах до семьсот

семьдесят второго года!» [7. Т. 14. С. 382–383], о которых мечтал герой романа «Братья Карамазовы» пан Врубелевский, Достоевский речи не вел.

Первой «программной» работой, раскрывающей видение Ф.М. Достоевским места Польши на карте мира, является «Ответ редакции „Времени“ на нападение „Московских ведомостей“», вышедший в разгар польского восстания 1863 г. Помимо отсылок к истории взаимоотношений между двумя странами, автор затрагивает в данной работе весьма концептуальные стороны вопроса, в частности выделяет в польском обществе два уровня: шляхта и ксендзы, с одной стороны, масса народа – с другой, сосредоточивая внимание именно на первых, олицетворяющих Старую Польшу и противостоящих России. Достоевский дополняет: «Никогда Польша вся не восставала; восставала только шляхта и ксендзы, а масса народа, то есть крестьяне, никогда не сочувствовали панам, потому что раб своему угнетателю сочувствовать не может» [8. Т. 11. С. 333]. В то же время писатель обособляет данную территорию от остальной империи: «Теперь бунтует только частица Польши и вся Россия единодушно дает ей отпор» [Там же], что объясняется видением автора цивилизационного разлома – с одной стороны славянская (русская) с другой европейская (польская) цивилизация: «...поляки со всей своей (бесспорно) европейской цивилизацией „носили смерть в самом своем корне“». Именно потому, «что эта цивилизация была не народною, не славянскою, что в ней не было никакой самобытности, и потому она не могла слиться в крепкое целое с народным духом» [Там же. С. 334]. Таким образом, геополитический крах Речи Посполитой в конце XVIII в. объяснялся Достоевским с позиции «неполноценности» европейской цивилизации, которая изначально являлась аристократической. При этом, «несмотря на всю их гордость этой цивилизацией, до того сгубила, что им теперь уже нет воскресенья, хотя бы они и сделались политически независимыми <...> Европейская цивилизация, которая есть плод Европы и, в сущности, на своем месте в Европе, – в Польше (может быть, именно потому, что поляки славяне) развила антинародный, антигражданственный, антихристианский дух. Она развила у них преимущественно католицизм, иезуитизм и аристократизм, да тем и порешила. Мало того: нигде, может быть, католицизм не получал такой степени прозелитизма, как в Польше» [Там же. С. 335–336]. Более того, цивилизационный разлом, проходящий между «славянским гением» и «европейской цивилизацией», является неизбежной причиной будущей войны православия и католичества, предпосылки которой видны в польском восстании 1863–1864 гг., – считал Ф.М. Достоевский [7. Т. 20. С. 170].

Несмотря на глубокие цивилизационные противоречия, Достоевский полагает, что сосуществование России и Польши в рамках одного государства возможно. Во-первых, Россия уже включила в свою «цивилизацию» польские народные массы: «Освобождая в Польше крестьян и уделяя им землю, Россия уж уделила Польше свою мысль, привила ей свой характер, и эта мысль – цепь, с которою теперь Польша с Россиюю Польша связана нераздельно» [Там же. С. 176]. Во-вторых, по мнению Достоевского, даже более культурно чуждая Финляндия и даже Турция являются естественными границами России, в рамках которых она берет на себя обязанность ассимиляции «развитием русского духа (почвенные идеи)» [Там же. С. 203]. Ассимиляция, согласно его воззрениям, является неизбежной, так как сосуществование Польши и

России в прежнем виде просто невозможно: «Есть такой политический, а, пожалуй, и естественный, закон природы, который состоит в том, что два сильные и ближайшие друг к другу соседа, как бы ни были дружны, всегда кончат желанием истребить один другого и, рано ли, поздно ли, приведут это желание в действие» [9. Т. 1. С. 302].

Достоевский неоднократно в своем творчестве поднимает панславянские идеи. Так, в статье «Утопическое понимание истории» он рассуждает о возможности существования единого славянского государства, способного собрать в себе все православные народы. По мнению автора, реальным центром такой православной империи может стать лишь Россия (естественным соперником в данном случае выступают лишь греки) и только на условии добровольного определения самими народами своего собственного места в рамках потенциального проекта. Подобные меры, по мнению Достоевского, позволили бы в перспективе развиться Православной во Всеславянскую империю: «Так что к такому союзу могли бы примкнуть наконец и когда-нибудь даже и не православные европейские славяне, ибо увидали бы сами, что всеединение под покровительством России есть только упрочение каждому его независимой личности, тогда как, без этой огромной единящей силы, они, может быть, опять истощились бы в взаимных раздорах и несогласиях, даже если б и стали когда-нибудь политически независимыми от мусульман и европейцев, которым теперь принадлежат они» [9. Т. 1. С. 416–417]. Таким образом, идеальное место Польши в воззрениях Достоевского находится в единой Всеславянской империи.

Одной из наиболее любопытных работ Ф.М. Достоевского, посвященной месту Польши на его геополитической карте мира, является полемическая статья «Римские клерикалы у нас в России», на страницах которой автор исследует возможность претворения в жизнь инсайдерского вброса от британской газеты «Morning Post», а именно о якобы уже начатых переговорах между Россией и Германией по поводу уступки Привислинского края по Вислу (Русской Польши) Германии взамен на помощь от Берлина в русских приобретениях на Балканах [Там же. Т. 2. С. 333]. Наибольшего внимания, безусловно, заслуживает тот факт, что Достоевский не упустил возможности подискутировать по данному вопросу, так как он имел непосредственное отношение к воззрениям самого писателя в вопросах устройства единого православного государства, в частности данный вброс вторил его приоритетам в вопросах устройства славянского государства (в первую очередь – православные народы, во вторую – католические западнославянские).

Достоевский активно использует противопоставление Старой (независимой) и Новой («освобожденной царем») Польши. Олицетворением глубинных противоречий между Россией и Старой Польшей является согласие Федора Михайловича с мнением видного отечественного историка Н.И. Костомарова, что «...есть прекрасные поляки, которые могут жить даже в дружбе с иными русскими, спасти его в беде, одолжить его. Это, конечно, правда, но чуть только этот русский, хотя бы даже после двадцати лет дружбы, вдруг бы выразил этому прекрасному поляку свои политические убеждения насчет Польши в русском духе, то этот поляк тотчас же, тут же, стал бы явным или тайным врагом своего русского друга» [Там же. С. 374]. Достоевский полагал, что невозможно разрушить традиционную связь между Старой

Польшей и Ватиканом: «Ведь Ватикан не изменял Старой Польше никогда, а, напротив, поддерживал из всех сил все ее фантазии, когда другие-то государства их уже и слушать не хотели!» [9. Т. 2. С. 374]. Иными словами, подчеркивалась невозможность мирного сосуществования Польши и России, пока первая не откажется от прежних связей, от «европейской цивилизации» в пользу «славянского гения». Только Новая Польша, «освобожденная царем», может иметь будущее, по мнению Федора Михайловича. Старая же Польша изжила себя, и для нее нет места на карте мира Достоевского, так как «...ужиться с Россией она не может. Ее идеал – стать на месте России в славянском мире» [Там же].

К важным заключениям Ф.М. Достоевский приходит в своих записках литературно-критического и публицистического характера за 1880–1881 гг. Приведем ряд ключевых тезисов: «Над Россией корпорации. Немцы, поляки, жида – корпорация, и себе помогают» [7. Т. 27. С. 49–50]; «Примирение поляков и русских на этнографической Польше (Варшава). Да поймите же вы, что тут идея, идея латинства и западной цивилизации, идея – которую не отдадут вам поляки за этнографическую Польшу»; [Там же. С. 65–66]; «...поляки теперь слабы политически. Они идеей сильны, а вы идеей слабы, г-н Коялович, ибо для их же идеи, для владычества над славянами (всеми) во имя латинства и западной цивилизации – во имя этой идеи вы сами, своими руками, принесли первый камень на фундамент этой польской идеи» [Там же]. Таким образом, Достоевский уже на закате жизни еще раз подчеркнул свои основные идеи. Идея о противостоянии трех цивилизаций – католической (латинской), протестантской и славянской (православной) проходит сквозной линией через все творчество писателя [10. С. 296], при этом он неоднократно акцентирует внимание на закате первой: «...князь Бисмарк, вероятнее всего, уже предрешил судьбу Франции. Францию ждет судьба Польши, и политически жить она не будет – или не будет и Германии» [9. Т. 2. С. 374]. Параллель между Польшей и Францией очевидна – закостенелые католические общества последних должны быть покорены более «прогрессивными» в идейном плане братьями-соседями (Россией и Германией соответственно), так как идеалы «заклятых» друзей сходятся – Россия и Польша борются за главенство в славянском мире, Франция и Германия – в европейском.

Подытоживая вышесказанное, можно определить место Польши на воображаемой карте мира Ф.М. Достоевского. В первую очередь следует исходить из той позиции, что польские земли, о которых вел речь писатель, в значительной степени входили в состав Российской империи. В существовавшем виде Россия виделась Достоевскому как государство первого уровня (исходные позиции). В ближайшей перспективе оно должно достичь второго уровня, на котором Российская империя становилась бы синонимом Православной империи, включающей в свой состав балканских славян, а также отнятый у Турции Константинополь как символ православного мира. Апогей развития, по мнению Достоевского, проявился бы в государстве третьего уровня – Всеславянской империи, дополнившей свой состав западными славянами. Таким образом, в данной модели писатель не видел возможности для быстрой инклюзии поляков в состав Российской империи, напротив, с удовольствием разменивая их на православные народы Балканского полуострова. Прежде всего это объясняется цивилизационным разломом, который прохо-

дит, по Достоевскому, между русским и польскими народами (русская, славянская, православная цивилизация против польской, европейской и католической). Вместе с тем Достоевский считает Польшу (как и Финляндию) российской территорией, несмотря на «искусственный» характер границ. Преодоление цивилизационного разлома возможно путем превращения Старой Польши в Новую, что, в свою очередь, означает «ликвидацию» символов и сущности Старой Польши, а именно аристократии с ее европейской (латинской) культурой и тесными связями с Ватиканом. Новая же Польша – это Русская Польша, выраженная в принятии и распространении крестьянами Привислинского края идей единства государства.

Литература

1. Пушкин А.С. Клеветникам России // Интернет-библиотека А. Комарова. URL: <https://ilibrary.ru/text/744/p.1/index.html> (дата обращения: 29.11.2018).
2. Щербинин А.И., Щербинина Н.Г. «Картирование» славянского мира как воображаемый конструкт // Русин. 2016. № 4 (46). С. 56–72. DOI: 10.17223/18572685/46/5.
3. Schwiderska M. Das literarische Werk F.M. Dostoevskijs aus imagologischer Sicht mit besonderer Beruecksichtigung der Darstellung Polens. Muenchen : Sagner, 2001. 495 S.
4. Wedemant M. Polonofil czy polakozerca: Fiodor Dostojewski w pismienictwie polskim lat 1847–1897. Poznan, 2010. 283 p.
5. Углик Я. Образ поляков в романах и публицистике Ф.М. Достоевского // Toronto Slavic Quarterly. 2011. № 37. P. 136–149.
6. Де Лазари А., Сухарски Т. Достоевский в польской литературе литературоведении и философской мысли с 1970-х гг. по настоящее время // Достоевский : материалы и исследования. СПб. : Нестор-История, 2013. Т. 20. С. 25–43.
7. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Л. : Наука, 1972–1990.
8. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений : в 15 т. Л.–СПб. : Наука, 1988–1996.
9. Достоевский Ф.М. Дневник писателя : в 2 т. М. : Книжный клуб 36.6, 2011.
10. Щербинин А.И., Щербинина Н.Г. Картирование славянского мира в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского // Русин. 2018. № 4 (54). С. 292–302. DOI: 10.17223/18572685/54/17.

Mikhail V. Podrezov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: misha_1101@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 49. pp. 170–176.

DOI: 10.17223/1998863X/49/17

FYODOR DOSTOEVSKY'S IDEOLOGICAL VIEWS ON THE PLACE OF POLAND IN RUSSIA AND IN THE WORLD

Keywords: Dostoevsky; Poland; Partitions of the Polish-Lithuanian Commonwealth; Polish question.

The article addresses the problems of positioning the Polish state on an imaginary map of the world of the outstanding Russian writer, philosopher and journalist Fyodor Dostoevsky. This publication is an analysis of Dostoevsky's statements and judgments about the place of Poland in Russia and in the world from fiction and journalistic literature, criticism, letters and diary entries. The work is divided into three parts. The introduction formulates the reasons for Dostoevsky's attention to the Polish problem, substantiates the relevance of the study on the basis of reference to the historiography of the issue, determines the subject and method of research. In the main part, the author examines the image of Poland that was formed in Dostoevsky's works. The features of the writer's approach to determining the place of Poland on an imaginary map of the world are identified. The emphasis is placed on the heterogeneity of the definition of the term "Poland", for which the epithets used by the writer are given: old and new, aristocratic and folk, Latin and Slavic, Catholic and Russian. Dostoevsky's approach to the possibility of the existence of Russia and Poland within the framework of a single state is analyzed; the approach consisted in the perspective of creating the Pan-Slavic empire, including the West Slavic Catholic peoples. In the final part of the article, the author concludes that Dostoevsky's position on determining the place of Poland on the world map seems to be rather contradictory. On the

one hand, the writer points in many ways to the complexity and even impossibility of the coexistence of Russia and Poland within one state due to the existing contradictions between the two civilizations which can be overcome only by assimilation, that is, by the destruction of the remnants of Old Poland. On the other hand, Dostoevsky regards the Polish lands as an integral part of the empire, although their inclusion, which happened in an “artificial” way, was ahead of its time. Only after the formation and the development of a united Orthodox empire would Western Slavs have been able to naturally integrate into the common Pan-Slavic empire.

References

1. Pushkin, A.S. (n.d.) *Klevetnikam Rossii* [Slanderers of Russia]. [Online] Available from: <https://ilibrary.ru/text/744/p.1/index.html>. (Accessed: 29th November 2018).
2. Shcherbinin, A.I. & Shcherbinina, N.G. (2016) Charting Slavdom as an Imaginary Construct. *Rusin*. 4(46). pp. 56–72. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/46/5.
3. Schwiderska, M. (2001) *Das literarische Werk F.M. Dostoevskijs aus imagologischer Sicht mit besonderer Beruecksichtigung der Darstellung Polens*. Munich: Sagner.
4. Wedemann, M. (2010) *Polonofil czy polakozerca: Fiodor Dostojewski w pismienictwie polskim lat 1847–1897*. Poznan: [s.n.].
5. Uglich, Ya. (2011) *Obraz polyakov v romanakh i publitsistike F.M. Dostoevskogo* [The image of the Poles in F.M. Dostoevsky’s novels and journalism]. *Toronto Slavic Quarterly*. 37. pp. 136–149.
6. De Lazari, A. & Sukharski, T. (2013) *Dostoevskiy v pol'skoy literature literaturovedenii i filosofskoy mysli s 1970-kh gg. po nastoyashchee vremya* [Dostoevsky in Polish literature, literary criticism and philosophical thought since the 1970s to the present]. In: Friedlender, G.M. (ed.) *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and studies]. Vol. 20. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. pp. 25–43.
7. Dostoevsky, F.M. (1972–1990) *Polnoe sobranie sochineniy v tridsati tomakh* [Complete Works in 30 vols]. Leningrad: Nauka.
8. Dostoevsky, F.M. (1988–1996) *Sobranie sochineniy v pyatnadsati tomakh* [Complete Works in 15 vols]. Leningrad; St. Petersburg: Nauka.
9. Dostoevsky, F.M. (2011) *Dnevnik pisatelya: v 2 t.* [A Writer’s Diary. In 2 vols]. Moscow: Knizhnyy klub 36.6.
10. Shcherbinin, A.I. & Shcherbinina, N.G. (2018) Mapping the Slavic world in “The Diary of a Writer” by F.M. Dostoevsky. *Rusin*. 4(54). pp. 292–302. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/54/17